

УДК 94

Белорусова Светлана

**«СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» МИР В ЗАПИСКАХ
ЮЖНОЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
XV ВЕКА**

Статья посвящена изучению идентичности южноевропейских путешественников XV века, а также их поведения во время пересечения границ собственного пространства и ухода в незнакомый мир. Испанцу Перо Тафуру варварский мир показался гораздо ближе, чем Центральная и Восточная Европа, холодно принявшая заезжего путника. Кириако Анконский путешествовал не только в пространстве, но и во времени. Он посещал мир древнегреческих древностей независимо от того, чья власть была на этих землях.

Ключевые слова: антропология путешествия, границы, «свой» мир, «чужой» мир, южноевропейские путешествия.

Белорусова С.

**«СВІЙ» І «ЧУЖИЙ» СВІТ У ЗАПИСКАХ
ПІВДЕННОЄВРОПЕЙСЬКИХ МАНДРІВНИКІВ
XV СТОЛІТТЯ**

Стаття присвячена вивченню ідентичності південноєвропейських мандрівників XV століття, а також їх поведінки в момент перетину кордонів власного простору і переходу в незнайомий світ. Іспанцю П'єро Тафуру варварський світ здавався значно ближчим, аніж Центральна і Східна Європа, яка прохолодно прийняла мандрівника. Кіріако Анконський подорожував не лише в просторі, але й у часі. Він відвідував світ давньогрецьких старожитностей незалежно від того, чия влада була на цих землях.

Ключові слова: антропологія подорожі, кордони, «свій» світ, «чужий» світ, південноєвропейські подорожі.

Belorussova S.

SOUTHERN EUROPEAN TRAVELERS' VISIONS OF «OUR» AND «OTHER» WORLD IN 15TH CENTURY

The paper is dedicated to studying of Southern European travelers' identity in 15th century. The boundaries of «our» and «other» world were often defined by personal motives and impressions of travel, which changed dramatically a mental map, design of familiar world and its borders.

Key words: *anthropology of travel, boundaries, «our» world, «other» world, Southern European travels.*

Антропология движения и исходящая из нее антропология путешествия позволяет иначе проследить за привычным ходом исторических событий. Перемещение акцента с итогов на истоки предполагает изучение скорее мотивов действий, чем его результатов [подробнее см. 2]. С этой позиции путешествие является не просто формой бытования человека, а особенным феноменом, позволяющим увидеть себя через призму чужой культуры. Путешествия, путешественники и их записки долгое время (вплоть до сегодняшнего дня) служили проводниками представлений о мире, разрушали старые стереотипы и создавали новые.

XV век (преддверие эпохи Великих географических открытий) представляет собой уникальный период мировой истории. Это время открытия и познания человеческой идентичности во всем мировом пространстве. Человеческая страсть к познанию «своего» и чужого», а также желание расширения информационного пространства дала волю путешествиям и последующим географическим открытиям. Лидерами в освоении мирового пространства были итальянские и испанские путешественники, подвижничество которых привело к открытию Нового Света. Испанец Перо Тафур (1410?–1484?) [9, р. 1] был не слишком родовитым, но богатым идалго. С юных лет ему пришлось участвовать в реконкисте и биться с маврами, как подобало истинному кастильскому рыцарю. Большая часть жизни Тафура прошла в Севилье; свое путешествие по Средиземноморью и германским землям он совершил между 1436 и 1439 гг., а свои впечатления от поездки записал пятнадцать лет спустя [см. 3].

Не всегда легко понять, где конец «своего» и начало «чужого» мира для путешественника, и чаще всего эта граница размыта.

Тафур отождествлял «свой мир» с испанскими землями. Недаром он сравнивал города, которые он видел на своем пути, с городами Пиренейского полуострова. Тафур писал: «Приехали в Буду, город размером с Вальядолид» [3, с. 284], «город [Вена] стоит на Дунае, он величиной с Кордову» [3, с. 282], «город [Бреслау] большой, больше Севильи и очень многолюдный» [3, с. 278]. Тафур сопоставлял города с Севильей, видимо потому, что там он провел большую часть своей юности. Таким образом, Тафур принимал эти места в свой ментальный кругозор, эти места были близки «его миру». Эти города были нормальными и традиционными в его мировосприятии [8, р. 6].

«Чужой мир» в восприятии Тафура был неоднородным. Туда входили мусульманские города, такие как Иерусалим и Адрианополь. Христианский Рим также был «чужим» для Тафура [6, с. 148], хотя европейцы считали этот город колыбелью своей идентичности. Наиболее сложным в психологическом плане для Тафура было путешествие по германским землям. Во-первых, эти города были конечным пунктом в его путешествиях, и Тафур уже ощущал усталость от столь продолжительного путешествия. Он стремился как можно скорее закончить свою поездку, игнорировал просьбы знатных сеньоров посетить их имения, ссылаясь на необходимость завершить путешествие и отправиться на войну против мавров. Во-вторых, несмотря на наличие у Тафура охранных грамот, в германских землях его подстерегали неприятности. В Майнце испанец был схвачен всадниками и вынужден находиться в плену 15 дней. Тафур опасно путешествовал по Германии, отмечал, что там «ничего описывать», так как пути встречались только «разрушенные и сгоревшие селения». Местные сеньоры часто предупреждали Тафура о непреодолимых препятствиях на пути, в связи с этим ему пришлось отказаться от поездки в Париж [3, с. 257]. Для безопасности своего путешествия иногда Тафуру приходилось пользоваться дополнительными военными силами. Так, ему «дали людей, чтобы выбраться из опасной земли [город Нердлинген]» [3, с. 268], так как там шла война.

Сложность путешествия по германским землям позволила Тафуру иначе оценить уже освоенное им пространство Венеции и Генуи, где Тафуру было оказано расположение. По прибытии из Германии в «Венецию, [Тафур] почувствовал себя так, слов-

но был уже у себя дома» [3, с. 291], хотя в начале путешествия Венеция для Тафура была «чужим» пространством. Восприятие мира Тафуром могло трансформироваться в зависимости от впечатлений от путешествия. «Чужой» мир Тафура не был единым. Не исключено, что сложности, сопровождавшие Тафура в путешествии по Германии, заставили его почувствовать это пространство более далеким, чем мусульманские города, где к Тафуру относились благодушно.

Встречи с близкими по духу идалго украшали путь Тафуру и давали ему некоторый отдых от его бесконечных странствий. Он «с удовольствием провел [в Вене, где он жил в доме идалго] четыре дня, отдыхая от совершенных трудов, и чувствовал себя очень непринужденно, а к жене того кабальеро относился, как к собственной матери» [3, с. 283]. Для Тафура было значимо, как к нему относились во время путешествия, а также насколько незнакомые города были схожи с родными испанскими землями. Религиозный фактор в плане разделения «своего» и «чужого» мира был существенным для Тафура, но непринципиальным.

Итальянский купец эпохи Возрождения Кириако Анконский (1391–1452) большую часть своей жизни провел в путешествиях. Впервые он отправился в поездку в девятилетнем возрасте, и умер Кириако во время путешествия. Его дневники и письма отражают его личные впечатления от торговых поездок по Средиземноморью, преимущественно по византийским землям. Его записи полны самых разных впечатлений и наблюдений, и нелегко понять мотивы, толкавшие его в бесконечные странствия и поиски. В одной ситуации он выглядит профессиональным торговцем, в другой занимается средиземноморской дипломатией, в третьей ищет античные древности [1, с. 10].

«Чужой мир» Кириако в сравнении с Тафуром выглядел иначе. «Свое» пространство Кириако отождествлял не только с Италией, но и с миром античной древности. Он «с ранних лет испытывал необычайную врожденную жажду видеть мир» [5, р. 257], этим миром оказалась античность. Путешествие по древнегреческим землям для него было не только пересечением пространства, но и времени. Кириако как будто примерял на себя образ древнегреческого гражданина. Мусульманский Египет для Кириако оказался тоже не столь «далек», поскольку там его интересовали только остатки древности [4, р. 24]. «Своим» миром

для Кириако были и торговые корабли, на которых он провел значительную часть своей жизни. Олицетворением «чужого» мира для Кириако были турки. Его разочаровывало османское присутствие на значимых для него землях, поскольку турки разрушали священные древности. Кириако восклицал: «Увы! Каким образом превратилось в уродливую структуру то, что было красиво, когда мы осматривали это четырнадцать лет назад!.. И знаменитые стены, почти все когда-то были нетронутыми, сейчас по большей части лежат в развалинах и брошенными на землю, очевидно, это сделали варвары» [6, р. 74–75].

М. Белозерская первая предположила, что подвижничество Кириако в качестве шпиона и дипломата было направлено на спасение древнегреческих реликвий от турецкого оружия. Импульсом к желанию сохранить древнегреческие ценности было его повторное посещение Фессалоники, которая спустя четырнадцать лет превратилась в груды руин. «После посещения им Фессалоники тон его дневников изменился, как и его планы: от простого фиксатора останков физической древности он стал воином за них» [4, р. 254]. Поздние дневники и письма Кириако были посвящены в большей степени описанию древностей и попыткам их сохранения. Увлеченность Кириако делала его поборником-одиночкой в деле спасения древнегреческих ценностей. Однажды, когда Кириако исследовал башню в Пьемонте, невежественный священник спросил его, что он делает. Кириако ответил: «Это моя профессия – разбудить мертвых... восстановить славу древностей, такой, которой она была некогда в античности, но теперь захороненная и бездейственная... изъять все это из темной гробницы на свет, и дать жить, как раньше» [7, р. 191]. Благодаря своим усилиям по сохранению тысяч останков греческой и римской цивилизаций, из обычного купца он превратился в друга императоров, художников, гуманистов и папы римского, а также стал международным дипломатом и шпионом. Сам не зная того, Кириако стал одним их основателей археологии [4, р. 11]. Одновременно работа купца помогла Кириако в освоении древнегреческих земель. Несмотря на то, что торговля не была определяющей в его путешествиях, она помогла ему в освоении античности. Благодаря своей коммерческой деятельности Кириако имел возможность путешествовать по местам древнегреческих ценностей. Навыки в арифметике помо-

гали ему точно ориентироваться в деталях монументов [4, р. 31]. Кириако писал, что «частые... посещения Галаты на борту Анконских и [генуэзских] кораблей по торговым делам [позволяли ему] ездить и видеть мир» [5, р. 259].

Границы «своего» и «чужого» мира часто определялись с позиций личных мотивов и впечатлений от путешествия. Испанцу Перо Тафуру варварский мир показался гораздо ближе, чем Центральная и Восточная Европа, холодно принявшая заезжего путника. Кириако Анконский путешествовал не только в пространстве, но и во времени. Он посещал мир древнегреческих древностей независимо от того, чья власть была на этих землях. Путешествие меняло ментальную карту человека, представление о привычном мире, наполняя его новыми эмоциями о самостоятельно освоенном пространстве.

Литература:

1. Белоруссова С.Ю. Антропология путешествия (южноевропейские путешественники XV в.). Saarbrücken. – Lap Lambert Academic Publishing, 2013.
2. Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург. 2009.
3. Тафур П. Странствия и путешествия / Перевод Л. К. Масиэля Санчеса. М., 2006.
4. Belozerskaya M. To Wake the Dead. A Renaissance Merchant and the Birth of Archaeology. Norton. 2009.
5. Cyriac of Ancona. Later travels / Edited and translated by E. W. Bodnar. L., 2003.
6. Evatt J. M. The Primacy of National Sentiment in the Embajada a Tamorlán and Andanças é viajes. Diss. University of Texas at Austin, 2006.
7. Hale J. The Civilization of Europe in the Renaissance. L., 2005.
8. Gerbi A. Nature in the New World: From Christopher Columbus to Gonzalo Fernandez de Oviedo, trans. J. Mole, University of Pittsburgh Press, 1985.
9. Merschel L. Traveling in Pursuit of Nobility: a Study of Pero Tafur's «Andanças e viajes». Diss. U of North Carolina at Chapel Hill, 2003.